

НАХИМОВЪ

Павель Степановичъ —

славный воинъ и великій христіанинъ.

Примѣръ и жизнь гораздо лучше учать насъ, чѣмъ слово. Герой—адмиралъ П. С. Нахимовъ, личность настолько высоко нравственная, что можетъ служить намъ во многомъ примѣромъ для подражанія: особенно же приснопамятенъ и дорогъ Нахимовъ для воиновъ—мориковъ.

Павель Степановичъ Нахимовъ, сынъ секундъ-маіора времени Екатерины Великой, родился въ 1803 году въ селѣ Городкѣ, Вяземскаго уѣзда, Смоленской губ.; образование получилъ въ морскомъ корпусѣ, службу началъ подъ начальствомъ знаменитаго адмирала Михаила Петровича Лазарева и оставался во флотѣ до самой своей смерти. Въ продолженіе своей тридцати-восьмилѣтней службы, Нахимовъ сдѣлалъ тридцать двѣ морскія кампаніи, побывалъ почти во всѣхъ моряхъ свѣта, участвовалъ 1) въ Наваринскомъ боѣ, гдѣ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, — 2) въ битвѣ при Синопѣ, гдѣ истребилъ всю турецкую эскадру, за такую побѣду получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени большого креста, — и 3) въ оборонѣ Севастополя, за что получилъ чинъ адмирала; въ этой славной оборонѣ Павель Степановичъ нашелъ себѣ и могилу, будучи смертельно раненъ въ високъ. Умеръ 30 іюня 1855 года.

Синопская побѣда и безпримѣрная оборона Севастополя прославили Нахимова; имя его, извѣстное по всей Руси, особенно было чтимо среди черноморцевъ—матросовъ, которые преданы были ему всею душою. «Пока

живъ «Нахименко», говорили они, не имѣть непріятелю въ своихъ рукахъ Севастополя»¹⁾).

Чтобы Нахимовъ заслужилъ такую любовь и преданность своихъ матросовъ — черноморцевъ, что они, а за ними вся армія, по одному его слову, готовы были броситься въ огонь и воду? — Достигалъ онъ этого укрѣпленіемъ религіозно нравственныхъ чувствъ во вѣренныхъ ему чинахъ.

Проведя всю жизнь свою на морѣ среди матросовъ — простолюдиновъ, за которыми, по долгу начальника, онъ невольно долженъ былъ слѣдить, Нахимовъ не могъ не видѣть, что всюду, а на морѣ въ особенности, русскій человекъ живетъ вѣрою въ Бога и молитвою; поэтому онъ всестарался поддерживать эти религіозныя чувства въ морякахъ: въ положенные дни служились всенощная и литургія, а утромъ и вечеромъ ежедневно совершались молитвы. За богослуженіями и особенно за божественными литургіями всегда присутствовалъ самъ, каковыя выставлялъ до конца и не любилъ, чтобы другіе уходили изъ церкви до окончанія службы Божіей²⁾).

Придавалъ особенное значеніе божественной литургіи, Нахимовъ и въ военное время, по праздничнымъ днямъ, приказывалъ совершать обѣдню³⁾, за которой присутствовали, по обыкновенію, всѣ свободные отъ службы чины; при чемъ не забывались и тѣ войска, которые находились на укрѣпленіяхъ; по окончаніи литургіи, духовенство служило молебны и на оборонительной линіи предъ батарейными образами, которые были положительно на всѣхъ бастіонахъ и предъ которыми горѣла масса свѣчей всегда; новыя батареи освящались и такъ же служились молебны; совершались крестные ходы, въ которыхъ принималъ участіе и самъ Нахимовъ⁴⁾, — все это, конечно, въ высшей степени благотворно дѣйствовало на нижнихъ чиновъ и поддерживало ихъ воинскій духъ.

Будучи глубоко убѣжденъ, что вѣра православная есть главная сила нашей народно-государственной жизни, и что «безъ Бога — ни до порога», Нахимовъ не начиналъ ни одного сраженія безъ молебна Господу Богу о дарованіи побѣды; по окончаніи молебна, священникъ съ крестомъ въ ру-

¹⁾ Воен. сб. 1895 г. № 3-й, стр. 32. Прислуга веземъ цодъ Севастополя — Сергей Гершельманъ.

²⁾ Сборникъ рукописей по оборонѣ Севастополя. Т. 2-й, стр. 403.

³⁾ *ibidem*, стр. 455—458; воен. сб. 1895 г. № 3-й, стр. 31.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя, выд. 1, прилож. стр. 210. Дубравинъ.

нахъ обходилъ войска и благословлялъ ихъ на брань, а за нимъ послѣ самъ Нахимовъ и воодушевлялъ ихъ краткимъ, отеческимъ словомъ ¹⁾.

Идя на брань съ врагомъ, Нахимовъ вѣрилъ въ святость русскаго дѣла и этою вѣрою проникнуты все его приказы, отдаваемые предъ сраженіями ²⁾.

Видя въ одержанной побѣдѣ орудіе Провидѣнія Божія, Нахимовъ и по окончаніи сраженія всегда служилъ благодарственный молебенъ и заупокойную литургію по убитымъ воинамъ ³⁾.

Одновременно съ укрѣпленіемъ религіозныхъ чувствъ, Нахимовъ поддерживалъ въ моряхахъ мужество привѣромъ славныхъ ихъ предковъ по орудію. «Съ юныхъ лѣтъ, говорилъ морякамъ Нахимовъ, былъ я постояннымъ свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію; мы сдружились давно, я горжусь вами съ дѣтства... Отстоишь Севастополь... вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя и генералъ-адмирала и убѣдите враговъ православія, что на бастионахъ Севастополя мы не забыли морского дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія черноморскихъ моряковъ» ⁴⁾.

Нахимовъ глубоко понималъ, что одни слова, какъ-бы они красны ни были, не могутъ такъ сильно дѣйствовать, какъ примѣръ лицъ, начальствующихъ. Если доброе слово и добрый примѣръ соединятся вмѣстѣ, то несомнѣнно, что и добрыя послѣдствія не преминутъ явиться: «слова побуждаютъ, примѣры увлекаютъ», говорили древніе. Сознавая это, Нахимовъ всюду являлъ собою примѣръ морякамъ: въ военное время онъ ежедневно объѣзжалъ батареи, здоровался съ войсками и бесѣдовалъ съ ними, останавливался на самыхъ опасныхъ мѣстахъ; спокойно наблюдалъ затѣи, куда и какъ падали наши выстрѣлы, давалъ совѣты бомбардирамъ, а иногда и самъ наводилъ орудія ⁵⁾. Кругомъ него падали люди, а Нахимовъ оставался цѣлъ и невредимъ, почему матросы и считали его застрахованнымъ отъ пуль и когда онъ проходилъ мимо нихъ, они крестнымъ знаменемъ ограждали его въ слѣдъ ⁶⁾. Видя адмирала неуязвимымъ, матросы и въ

¹⁾ Сивозъ, Богдановича стр. 48 и 79; Рукописи т. I, стр. 30.

²⁾ Восточная война. Богдановичъ, т. 3, стр. 254—255.

³⁾ Сивозъ, стр. 97.

⁴⁾ Дубровинъ, вып. I, прилож. стр. 208.

⁵⁾ Воин. сб. 1894 г. № 5, стр. 94; Тотлебенъ, ч. I, стр. 303.

⁶⁾ Восточная война. Т. Ш, стр. 407.

себѣ чувствовали твердость,—считали и себя застрахованными отъ опасностей и убѣждались, что жертвовать собою для исполненія долга—дѣло самое простое и обыкновенное.

Каковъ былъ Нахимовъ на войнѣ, такимъ являлся онъ и въ мирное время: не пропускалъ ни одного случая, когда требовался примѣръ, хотя-бы это было и съ опасностью для жизни. «Однажды, корабль «Сидистрія», подъ командою Павла Степановича, находясь въ практическомъ плаваніи, крейсировалъ, какъ вдругъ другой корабль «Адріанополь», при одномъ неудачномъ маневрѣ, напелъ на него, — столкновение было неминуемо. Видя, что несчастія избѣжать невозможно, Нахимовъ отослалъ всѣхъ людей на низъ за гратъ-мачту и самъ остался одинъ на ютѣ. Трудно представить себѣ моментъ болѣе страшный, какъ тотъ, когда корабль полнымъ ходомъ всю свою массу готовится раздавить другой корабль.

Съ замраниемъ сердца, притаивъ дыханіе, ожидала команда «Сидистрія» этого момента, глядя на своего командира, безстрашно стоявшаго на ютѣ... И вотъ «Адріанополь» врѣзался около гротъ-русленей; затрещалъ углегарь-половина гротъ-вантъ порвана; еще минута—всѣ бизань-ванты срѣзаны, какъ ножомъ. Съ трескомъ полетѣлъ съ боканцевъ 12-ти весельный катеръ вмѣстѣ съ шлюпъ-балками, закачалась бизань-мачта и крестъ-стенга рухнула внизъ, сложавъ марсъ и бегинъ-рей и осыпавъ осколками Павла Степановича, но, по счастливой случайности, ничѣмъ его не ушибло! Само Провидѣніе хранило его для будущихъ подвиговъ и славы Россіи!»

Когда, за вечернимъ чаемъ, офицеры спросили Нахимова, почему онъ не сошелъ съ юта и безъ надобности подвергъ себя опасности, онъ отвѣтилъ: «такіе случаи представляются рѣдко и командиръ долженъ ими пользоваться: надо, чтобы команда видѣла присутствіе духа въ своемъ начальникѣ. Быть можетъ, мнѣ придется съ нею идти въ сраженіе и тогда это отзовется и принесетъ несомнѣнную пользу.»¹⁾

Великодушно переносилъ Нахимовъ боли отъ ранъ; будучи четыре раза сильно контуженъ, онъ никому даже не говорилъ объ этомъ, а только когда его, смертельно раненаго, принесли въ госпиталь и раздѣли, то увидѣли, какъ онъ сильно страдалъ отъ контузій: вся спина его распухла, затвердѣла, посинѣла. Однажды пуля легко ранила Нахимова въ голову. «Вы ранены Павелъ Степановичъ?» спросилъ его кто-то изъ окружающихъ.

¹⁾ Сивонъ, стр. 136—37.

«Неправда-съ!» отвѣтилъ онъ; но когда дотронулся рукою до окровавленной головы, прибавилъ: «слишкомъ мало-съ, чтобы объ этомъ заботиться, слишкомъ мало-съ!»¹⁾ Въ свою очередь Нахимовъ не любилъ моряковъ, которые безъ важной причины, просились на отдыхъ: «вакъ-съ, вы хотите уйти съ вашего поста-съ, говорилъ Нахимовъ, вы должны умирать здѣсь, вы часовой-съ, вамъ сѣсны нѣтъ-съ и не будетъ; мы всё здѣсь уиремъ съ; поинните-съ, что вы черноморскій морякъ-съ, и что вы защищаете родной вамъ городъ-съ; мы неприятелю отдадимъ-съ здѣсь одни наши трупы и развалины; намъ отсюда уходить нельзя-съ; я уже себѣ выбралъ могилу-съ; моя могила ужъ готова-съ; я лягу подлѣ начальника моего-съ Михаила Петровича (Лазаревъ); Корвиловъ и Истоининъ уже тамъ лежать-съ; они свой долгъ исполнили-съ; надо и намъ его исполнить-съ».²⁾

«Прошу, писалъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ Нахимовъ, г. дистанціонныхъ и отдѣльныхъ начальниковъ войскъ, внушать офицерамъ, что жизнь каждаго изъ нихъ принадлежитъ отечеству, и что не удалство, а только истинная храбрость приноситъ пользу ему и честь умѣющему отличить ее въ своихъ поступкахъ отъ перваго».³⁾

Г.г. офицерамъ Нахимовъ внушалъ, чтобы не было розни у нихъ съ матросами; хорошій служана у него не смѣшивался съ плохимъ: справедливость въ обращеніи со всѣми, — вотъ девизъ Нахимовской службы, въ силу чего и получались начальники, которые умѣло пользовались природными задатками своихъ подчиненныхъ на почвѣ религіи, преданности Царю, Отечеству и долгу службы.

И офицеры признательны были Нахимову за такое правильное воспитаніе; они платили ему глубокою любовью, уваженіемъ и всецѣлою преданностью. «Пусть насъ ругаютъ Черноморцевъ, говорили они, что худо дѣлаемъ и худо деремся⁴⁾... Ну, да Богъ съ ними! Мы чисты предъ собой, и лучшее мнѣніе для насъ, это нашихъ-же товарищей и нашихъ начальниковъ, т. е. моряковъ, а не другихъ. Одинъ Павелъ Степановичъ можетъ вполнѣ оцѣнить наши труды; и его отзывы объ насъ и вниманіе, какое онъ оказываетъ намъ, конечно, дороже мнѣній и отзывовъ другихъ».

На этой нравственной связи между Нахимовымъ и офицерами утверждались —

¹⁾ Воен. сб. 1894 г. № 5 стр. 94.

²⁾ Восточ. война, т. 3, стр. 412.

³⁾ ibidem, стр. 255.

⁴⁾ Указаніе на барона Остенъ-Сакена. Рукопись. Т. 2, стр. 362—63.

взаимная помощь и поддержка во время сраженій, неизмѣнное хладнокровіе, и отчетливое исполненіе каждымъ возложенныхъ на него обязанностей.

Еще болѣе эта нравственная связь проявлялась въ отношеніяхъ Нахимова къ матросамъ, которыхъ онъ любилъ всею душою; онъ называлъ матроса главнымъ двигателемъ на военномъ кораблѣ и смотрѣлъ на него, какъ на силу, могущую все преоблѣдить. Нахимовъ находилъ въ душѣ матроса ту чувствительную струну, говоритъ Погодинъ, которую лишь только привести въ сотрясеніе, и потомъ дѣлай, что хочешь. Онъ постигалъ это великое искусство одушевлять бранные полки и составлять съ ними одно, или эту Суворовскую «науку побѣждать», которая поднимается иногда надъ всѣми высокими соображеніями тактики и мудреными предначертаніями стратегіи, которая оставляетъ далеко за собою всё ухищреніе политики и козни дипломатіи, которая не спрашиваетъ никогда о числѣ враговъ, противъ нея вооружившихся, смотреть сѣбѣ, не выгая, въ жерло пушекъ на нее направленныхъ и не понимаетъ только никакихъ невозможностей¹⁾.

Живя много лѣтъ среди своихъ матросовъ одною съ ними морскою жизнью, Нахимовъ научился понимать ихъ душу и потому обращался съ ними насколько строго, требуя безусловнаго исполненія приказаній, настолько-же и кротко, по отечески любовію и свисходительно съ благоразсудительностью²⁾; онъ въ совершенствѣ постигъ трудную науку — «обращаться съ своими подчиненными» и въ дѣйствительности обращался съ каждымъ приспособительно къ его натурѣ: «нельзя принять поголовно, говорилъ Нахимовъ, одинаковую манеру со всѣми; подобное однообразіе въ дѣйствіяхъ начальниковъ указываетъ, что у него нѣтъ ничего общаго съ подчиненными и что онъ совершенно не понимаетъ своихъ соотечественниковъ... Матросъ замѣчаетъ лучше, чѣмъ нашъ братъ. Мы говорить умѣемъ лучше, чѣмъ замѣчать, а послѣднее ихъ дѣло; а каково пойдетъ служба, когда всѣ подчиненные будутъ навѣрно знать, что начальники ихъ не любятъ? Необходимо поощреніе сочувствіемъ: нужна любовь къ своему дѣлу, тогда съ нашими народомъ можно такія дѣла дѣлать, что просто чудо». ³⁾ И Нахимовъ въ отдаваемыхъ приказахъ не взывалъ ни къ геройству, ни къ мужеству моряковъ, а своею простотою въ обращеніи умѣлъ владѣть сердцемъ матроса, вдохновлять его и направлять воинскій духъ его къ благотворной цѣли:

¹⁾ Матеріалы для біографіи Нахимова, Дубравинъ стр. 79.

²⁾ Сивонъ, примѣч. къ стр. 137; Восст. война Т. 3, стр. 410—11.

³⁾ Ibidem. стр. 70—71.

- «Въ толь тайна нашихъ силъ, доступная немногимъ:
- «На подвигъ доблести, и въ мирѣ, и въ войнѣ,
- «Не нужно русскихъ звать команды словомъ строгимъ,
- «Но встанутъ всѣ на кликъ: «Голубчики ко мнѣ!»¹⁾.

Въ этомъ разумномъ пониманіи обязанностей начальника, въ умѣньи знать нужды матроса, говорить съ нимъ, жить съ нимъ и заключалась вся тайна нравственнаго вліянія Нахимова на моряковъ, въ битвѣ при Синопѣ и Севастополѣ все препобѣдившихъ. И дѣйствительно, матросы всецѣло были преданы своему адмиралу; они любили его невыразимо и буквально, по первому его мановенію, шли куда угодно и на что угодно; они называли его отцомъ роднымъ, печальникомъ и заботникомъ. Когда Нахимовъ разбѣждалъ по батареямъ, моряки говорили: «вотъ нашъ адмиралъ пришелъ на насъ смотрѣть; вѣдь когда пройдетъ словнъ Царь, такъ и душѣ легче!» «Здравія желаемъ, Павелъ Степановичъ», отзывается какой либо сибльчакъ изъ группы матросовъ, привѣтствуя своего любимаго адмирала. «Все-ли здорово?» «Здорово, Грядка, какъ видишь», добродушно отвѣтитъ Павелъ Степановичъ, слѣдуя дальше. «А что Синопъ забылъ?» спрашиваетъ другого. «Какъ можно! Пожалуйте Павелъ Степановичъ; небось и теперь почесывается турокъ», усмѣхается матросъ. «Молодецъ!» замѣтитъ Нахимовъ; либо потрепавъ иного молодца по плечу, самъ завязываетъ несложный разговоръ, разспрашивая о французакъ²⁾; но чаще всего объѣздъ батарей и бастионовъ сопровождался раздачею матросамъ-молодцамъ георгіевскихъ крестовъ, которые Нахимовъ называлъ «гостинцемъ».

Нахимова любили не одни моряки, а и вся сухопутная армія,— такъ велико было его нравственное вліяніе на окружающихъ. Любовь послѣднихъ въ особенности сказалась при погребеніи адмирала: когда съ нимъ прощались матросы, то и солдаты просили позволенія проститься съ нимъ. Характеренъ и слѣдующій разсказъ: «6-го іюня 1855 года, рядовой графа Дибича полка, сраженный возлѣ Нахимова въ самомъ разгарѣ побѣдоносно отбитаго штурма, лежалъ въ предсмертныхъ судорогахъ, когда мимо него пронесся офицеръ-ординарецъ. Умирающій умолилъ его остановиться на одно слово: «говори скорѣе», обратился къ нему офицеръ, «спѣшу по важному дѣлу!» — «Живъ ли Нахимовъ?» спросилъ страдалецъ. — «Живъ и здоровъ». —

¹⁾ Изъ стихотвор. Аполлона Майнова, воен. об. 1886 г. № 12; Дубравинъ прилож. вып. 2, стр. 52.

²⁾ Воен. сбор. 1895 г. № 3, стр. 29—30; Рукописи Т. 3, стр. 34.

«Ну, слава Богу! теперь умираю спокойно!» произнесъ больной и тутъ-же испустилъ духъ»¹⁾).

Любимъ былъ Нахимовъ и духовенствомъ, которое онъ считалъ—какъ великую нравственную силу въ дѣлѣ воспитанія солдата. «Не мнѣ-бы его благословлять; я бы отъ него хотѣлъ получить благословеніе, — такой онъ былъ человѣкъ», говаривалъ іеромонахъ о. Веніаминъ, бывшій при Нахимовѣ²⁾).

Будучи въ высшей степени религіознымъ, Нахимовъ всегда понималъ, что все въ мірѣ—Божіе, а потому и на свое жалованье, которое было довольно солидное, смотрѣлъ какъ на даръ Божій, и раздавалъ его матросамъ и ихъ семействамъ,—а когда не доставало своихъ денегъ, то бралъ заимообразно у своихъ адъютантовъ.

Состраданіе къ несчастнымъ врождено человѣку: сознавая что въ жилахъ каждаго человѣка течетъ такая-же кровь, какъ и въ нашихъ собственныхъ, что въ груди его бьется такое-же сердце, что такъ-же замираетъ и ноетъ оно, сжимается печальми, мы, естественно, не можемъ быть равнодушными къ страданіямъ другихъ,—вотъ почему раненые и больные пользовались особеннымъ покровительствомъ и заботами адмирала³⁾). Онъ ежедневно объѣзжалъ перевязочные пункты и госпитали, утѣшая страждущихъ и даже покупалъ и присылалъ имъ лекарства; раненные офицеры часто получали отъ него лакомства⁴⁾). Нахимовъ находилъ время бывать и на похоронахъ своихъ подчиненныхъ, а иногда и самъ несъ гробъ умершаго⁵⁾).

Мало этого! Нахимовъ былъ сострадательнъ и къ плѣннымъ врагамъ; онъ видѣлъ въ нихъ несчастныхъ людей и оказывалъ имъ вниманіе и льготы,—словомъ великодушіе Нахимова сказывалось во всѣхъ его дѣйствіяхъ и благотворно отражалось на подчиненныхъ. Высоко—христіанская душа его особенно ярко высказалась въ отданномъ имъ приказѣ по Севастопольскому порту 12-го апрѣля 1855 года, по случаю производства его въ адмирала. Безъ умиленія, восторга и удивленія приказъ этотъ и читать нельзя; чувство безкорыстнаго долга службы просвѣчиваетъ въ каждомъ его

¹⁾ Синолъ, примѣч. стр. 127; Дубровинъ—прилож. вып. 1, стр. 214.

²⁾ Дубровинъ, стр. 67.

³⁾ Синолъ, стр. 138.

⁴⁾ Вост. война. Т. 3-й стр. 412; Дубровинъ стр. 54—5; 207—13; воен. сборн. 1893 г. № 3, стран. 33.

⁵⁾ Рускопен. Т. 2, стр. 362.

словѣ; въ немъ Нахимовъ, виновникъ славы, забывши свое «я», всю славу отдалъ морякамъ. Въ виду особой назидательности этого приказа, считаемъ нужнымъ привести его полностью: «геройская защита Севастополя, говорится въ приказѣ, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ, къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ къ старшему въ ней. Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го числа минувшаго марта, я произведенъ въ адмирала. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня. Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаніемъ, что геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя в Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную. Матросы! мнѣ-ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту родного намъ Севастополя и флота; я съ юныхъ лѣтъ былъ постоянно свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію; мы сдружились давно; я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и Императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ стеньгѣ съ тою-же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками; вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя и генералъ-адмирала и убѣдите враговъ православія, что на бастіонахъ Севастополя вы не забыли морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія черноморскихъ моряковъ»¹⁾).

Скромность Нахимова простиралась до того, что онъ и побѣду подъ Синопомъ, гдѣ онъ истребилъ всю турецкую эскадру, приписываетъ не себѣ, а адмиралу Лазареву: «Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ»,—или: «берегите Тотлебена и Васильчикова, а я что съ», говорилъ Нахимовъ, когда ему напоминали объ его подвигахъ. Еще болѣе эта симпатичная черта сказалась у Нахимова въ то время, когда онъ назначался начальникомъ обороны южной части Севастополя; всецѣло преданный долгу службы и спасенію Севастополя, онъ отклонялъ отъ себя это высокое назначеніе въ пользу младшаго, но болѣе его опытнаго въ сухопутномъ дѣлѣ генерала, говоря, «что онъ съ радостью подчинится и младшему въ чинѣ, лишь-бы командованіе находилось въ болѣе достойныхъ рукахъ»²⁾; затѣмъ, несмотря на свое старшинство предъ вице-адми-

¹⁾ Рукописн. Т. 4, с.р. 359; Дубровникъ--прилож. вын. 1, стр. 208.

²⁾ Синопь, 126 стр.

раломъ Корниловымъ, энергію, опытность и знаніе котораго Павелъ Степановичъ цѣнилъ, онъ не разъ высказывалъ свое искреннее желаніе имѣть Корнилова главнымъ начальникомъ всего Севастопольскаго порта ¹⁾.

Нельзя умолчать и о томъ, что Нахимовъ получалъ массу писемъ, стихотвореній и другихъ посланій съ выраженіемъ чувствъ признательности и прославленіемъ его доблестей; но онъ никогда никому ихъ не показывалъ и разъ только высказалъ, что вмѣсто всѣхъ этихъ знаковъ признательности, онъ желалъ бы лучше получать канусты для своихъ матросовъ ²⁾. Но когда онъ отъ одного богомольца получилъ на память икону св. Николая Чудотворца,—такъ не только ни отъ кого не скрылъ этого святого преподношенія, но напротивъ, по просьбѣ приславшаго, приказалъ снять съ нея двѣ копіи чрезъ художника Прохорова, изъ коихъ одну поставилъ въ своей каютѣ, а другую—въ маленькомъ размѣрѣ всегда носилъ на груди своей геройской ³⁾,—такъ онъ былъ набоженъ.

Чѣмъ—такую любовь и славу снискалъ Нахимовъ? Твердою вѣрою въ Бога, сердечною добротою и безупречною честностію. Да, человѣка въ самомъ высокомъ истинномъ его смыслѣ—воспитываетъ религія: она воспитала намъ бессмертныхъ моряковъ Корнилова, Истомина, Нахимова,—она, и только одна она и въ будущемъ можетъ дать намъ героевъ—защитниковъ Вѣры, Царя и Отечества....

«А вы, ратоборцы за русскую честь,

«Герои великой защиты,

«Вѣковъ достойные—чудесная вѣсть

«О вашей борьбѣ знаменитой.

«Хвала вамъ! Отчизнѣ о васъ не забыть!

«Вы честно родной послужили:

«И что человѣку возможно свершить,

«Могучіе, все вы свершили!....

8 и 19-го саперныхъ баталіоновъ священникъ Василій Ягодинъ.

¹⁾ В Воен. сборн. 1894 г. № 4, стр. 256; Синоплъ стр. 139.

²⁾ Вест. война, т. 3-8, стр. 414—12; Дубровникъ, стр. 54—5.

³⁾ Богдановичъ. Т. 1. стр. 160; Дубровникъ 41 стр.

Примѣчаніе. Во избежаніе тщеславія Нахимовъ никогда не снимался на фотографическихъ портретахъ и только художнику Тиху какъ-то удалось нарисовать его портретъ во весь ростъ въ Севастополѣ.